

* * *

Хотелось назвать эту книгу «КАУЗАЛГИЯ».

Но так как не получилось название, придется писать предисловие.

Я узнал это слово в пятнадцать лет, и никакие врачи, никакие энциклопедические и медицинские справочники, никакие топонимические и этимологические словари не сумеют во мне перевернуть то первое, раннее восприятие этого термина, которое сформировалось в детстве. Мой старший товарищ, учитель, поэт Борис Ефремович Пильник, вернулся с фронта без ноги. И у него постоянно болели пальцы на той ноге, которой у него не было. Нога осталась где-то там, в Калининских болотах, осенью 41-го, а пальцы болели тут, в маленькой комнатке, на площади Горького, и мы, мальчишки и девчонки, молодые поэты, которые заходили в гости к «нашему старику» послушать стихи Гумилева или Юргиса Балтрушайтиса, видели и чувствовали, как болят эти пальцы на ноге, которой давно уже нет.

Да, по-научному это надо называть фантомной болью, но для меня это — каузалгия. Больше сорока лет минуло с тех пор, как ушел мой отец. В течение довольно продолжительного времени я работал с его письмами, дневниковыми записями, воспоминаниями, которыми он когда-то делился со мной; готовя рукопись этой книги, я постоянно мысленно советовался с ним. За эти годы я часто слышал его голос, не раз встречал в толпе, видел силуэт в окне, просто разговаривал... Я постоянно пытаюсь понять, как он прошел этот путь, который не все осилили по разным причинам.

Каких-то пятьдесят лет назад теплым майским утром я слышал почти церковный колокольный звон: это побрякивали серебром и золотом медали вернувшихся живыми.

«И каждый первый — герой, И каждый второй — бессмертен», — сказал о них Поэт.

Мне в жизни приходилось сталкиваться со многими интересными людьми, попадать в неординарные ситуации, и всегда я мысленно советовался со своим отцом, которого нет, не просто рядом, а вообще уже нет. И это тоже каузалгия, а значит — боль.

Хотя в этом есть доля лукавства: письма моего отца из кровавых окопов Великой Отечественной войны, которые он писал моей бабушке, опосредованно давали мне советы, в них я находил ответы на многие вопросы. У меня всегда по этой причине есть возможность поговорить с ним.

Хотя это тоже каузалгия, а значит — боль.

Часть 1

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ**

(Военный дневник)

1. Я простился с Волгой

20.09.41

Въехал в Азию! Никто из вас так не путешествовал, да, наверное, и не придется: мне кажется, никто не пожелает. Сегодня в первый раз умылся после Куйбышева, где в какой-то парикмахерской помыл руки. В Куйбышеве я долго лежал на пустынном берегу и глядел на реку с белыми гребешками волн — на душе было легко. Я даже не прощался — я простился с Волгой еще в Горьком: пятнадцатого сентября целый день на яхте общался с Волгой, быть может, в последний раз. Теперь я в Азии, а здесь, кажется, по местным обычаям можно совсем не мыться.

Сразу после Самары началась степь (так начинаются многие рассказы прошлого века, где описывается, как русские господа ездили на кумыс), с ее ковылем, пылью и осенними ветрами. Ветер сильный, пронизывающий до костей, но дождей пока нет, сквозь облака проглядывает солнце. После Оренбурга помахали рукой Европе.

Здесь, в Азии, все своеобразно. Деревушки маленькие, серенькие, домики-мазанки по типу украинских, но нет ни кустика, ни дерева — кругом голая бесконечная степь. На остановках грязные босые ребятишки продают арбузы, дыни, молоко; по дорогам едут на верблюдах — все как 150–200 лет назад. Настроение у меня прекрасное, я доволен, доволен, вероятно, так же, как какой-нибудь чеховский инженер, ехавший в мягком «пульмановском» вагоне.

На соседней полке под рваным пестрым одеялом все время сопит и всхрапывает старый киргиз, но я мирюсь с этим — ведь не часто приходится ездить с киргизами. На другой полке лежит поляк с замечательными голубыми глазами. Боже, видели бы вы его!

История поляка такова: повоював с немцами 12 дней (Польша воевала только 12 дней!), он попал в плен и был отправлен под Берлин, оттуда бежал домой, в Варшаву. А дальше — Россия, Сибирь. И сейчас он едет в Актюбинск, где из таких вот «патриотов» генерал Андерс формирует польскую армию. В Актюбинске их уже 100 тысяч, и все из тюрем, и все без семей. На этом поляке с голубыми глазами надето то, что он когда-то надел дома, в Варшаве: брюки уже изорваны, раньше они были черные, а сейчас напрочь вытерты и стали грязно-серыми, белье, когда-то белого цвета, сейчас тоже серое, на ногах — обмотки из каких-то тряпок и рваные лыжные ботинки. Он просит у меня нож, режет арбуз, затем тщательно вытирает его о брюки и вежливо, очень вежливо возвращает обратно.

Я выехал из Горького с военными, кто-то из них ехал до Куйбышева, кто-то дальше, но сейчас уже нет ни одного. Все, связанное с войной, осталось за Волгой, и я не знаю, что делается на свете: нет ни радио, ни газет — и только плач и крики на станциях при проводах мобилизованных напоминают о чем-то неясном и далеком.

В вагоне остались наши русские мужики с Урала, Каспия; эти шумят, ругаются, они — чистые, так как прямо из дома; требуют к себе хорошего отношения, ибо едут на смерть. Один встретился в тамбуре: «Браток, закури!» Закурили. «Ты понимаешь — последний день!.. Не хотелось ругаться, но вынуждают, и я своего добьюсь».

Поляки были тихие и вежливые. Они ничего не требовали, всех называли «пане» и друг друга — «пане Замборский». А посмотрели бы вы на этих панов!

Цены здесь очень низкие: молоко — два рубля литр, арбузы и дыни от рубля до трех.

25.09.41

Здравствуйте, друзья мои! Многим может не понравиться тон моих писем, но что делать: я не по своей воле путешествую, да и без комфорта; конечно, я очень бы не хотел, чтобы мое турне кончилось востоком, а не западом, но это все еще впереди, а пока... тянутся дикие, безлюдные пустыни Туркестана и «голодная степь» Казахстана. Это не Волга, и даже не Урал, и все здесь свое, своеобразно-азиатское, начиная от звездного неба, кончая обычаями.

Здесь даже скот не похож на наш — все наше здесь гибнет.

Если вы взглянете на карту, то от Куйбышева до Оренбурга тянется степь. Это обычная степь Южной России с табунами скота, с кумысом, с кумысолечебницами. От Аральского моря начинаются Приаральские Кара-Кумы, уже ничего не растет и почти никто не живет, только скорпионы и ящерицы. Трудно поверить — на тысячи километров нет ни свежего кустика, ни зеленой травинки: или степь с сухой серой травой (до Аральского моря), или сплошные пески — безграничные, сливающиеся с горизонтом, с растущими кое-где низкорослыми колючими деревьями без листьев. Это дерево пустыни называется саксаул. Видел озера из соли; неприятно встретить в пустыне такое озеро жаждущему влаги путнику. Интересно: среди диких песков появляется голубое блестящее зеркало воды, и разве только на расстоянии нескольких метров понимаешь, что это соль.

26.09.41

Я проехал ровно 10 суток — 240 часов. Мне прокрутили кинофильм «Прифронтовая полоса и тыл», фильм в 240 часов, цветной, стереоскопический. Я просмотрел все с неослабевающим интересом и даже не заметил, как пролетело время, то была первая серия, а сейчас антракт.

Алма-Ата! Она меня ошеломила. Я слышал рассказы про этот город, но представлял что-то другое. Я видел Ленинград, Севастополь, Сочи, но Алма-Ату сравнить просто не с чем. Проехав последние 800

километров через Голодную степь (так называется пустыня, тянущаяся вдоль Киргизского хребта) и почти не встретив по пути растительности, я попал в сказку.

Представьте себе лес: большой девственный лес из берез, лип, кленов и пирамидальных тополей, а в этом лесу стоят небольшие белые домики, в основном одноэтажные. Здесь милиционерам не нужно управлять движением, то есть следить за тем, чтобы народ переходил улицу на перекрестках. Идет асфальтированный тротуар, затем изгородь из акаций, арык (канавка с проточной ледяной водой), затем аллея высоких деревьев, снова барьер из акаций, и уже шоссе, асфальтированное, так же точно и с другой стороны. Улицы все идеально прямые, пересекаются под углом в 90 градусов, особенно интересно ночью: идешь и слышишь, как со всех сторон журчит вода, даже в туалетах на улицах, в парках, кругом журчат арыки, и вот на таком искусственном питании растет огромный лес, это среди бесконечных, диких, выжженных солнцем степей. Я выходил на станциях на 10–15 минут из вагона и ужасался жаре: температура 40–45 градусов, а здесь, в городе, прохладно.

А какое тут небо!.. Помните картины Верещагина, там небо ярко-бирюзового цвета, смотришь и не веришь, что такое бывает. Здесь оно действительно такое.

Теперь небольшая справка: в Алма-Ате больше солнечных дней в году, чем где-либо в СССР. Здесь и зима своя, собственная, неазиатская, а алма-атинская, почти всегда с солнцем. Парки с фонтанами,

с огромными клумбами цветов, как на сельскохозяйственной выставке в Москве, только со всех сторон окружают фантастически величественные снеговые горы. Город находится на склонах Киргизского хребта (отроги Тянь-Шаня) на высоте 800 метров над уровнем моря и окружен горами. Идешь по городу, а его длинные зеленые улицы сливаются вдаль с вершинами гор. Какое приятное чувство — глядеть туда вверх. На фоне этого яркого бирюзового неба в какой-то розовой дымке стоят хребты с вечными снегами. Кажется, это совсем близко, но высота их достигает 7000 метров. Описать все это трудно. Правильно сказал один философ: понять можно только то, что прочувствовал и испытал сам. Тут все так своеобразно и необычно, что только приходится вспоминать картины и декорации художников: все эти юрты киргизов в голой степи, эти горы в розовой дымке хорошо воспроизводит Анатолий Мазанов в нашем Оперном. Смотришь на горы, и кажется, что это декорации или что-то искусственное поставлено за городом.

В поезде познакомился с одним биологом, шесть лет назад окончившим Московский университет; он работает здесь. Восемь месяцев в году в экспедициях: был и на Днепре, и на Енисее, ездил по Бугу, по Оби и по Аму-Дарье, был почти во всех городах Союза, облазил здешние горы, степи и пустыни. Видел все, кроме Уссурийского края, как сказал он. Много он мне рассказал, и все-таки я ему не позавидовал и свою работу на его не сменил бы. Почему так? Не знаю.

Ну, а о работе — здесь все произошло, как у Игоря Пузырева. Он написал мне, что они со знакомым

пришли, осмотрели радиостанции и поняли, что все «нормально», как и дома. Я тоже мог бы приехать на неделю позже, и ничего бы не изменилось. Пять тысяч километров обстановку не изменяют. Пробуду здесь, вероятно, долго.

1.10.41

Прочел коммюнике Московской конференции, абсолютно ничего не понял, но понравились последние семь строчек в выступлении Гарримана. Я подумал и пошел стричься наголо, под машинку. С волосами фотография приложена к сему. В Алма-Ате красавиц нет, домой, вероятно, попаду не скоро, и посему волосы не нужны. Между прочим, серьезно: в Алма-Ате я не видел ни одной более или менее красивой женщины. В таком красивом городе какие-то серые невзрачные люди. Вот в Ташкенте живут узбеки, так на них приятно посмотреть: яркие, у всех карие глаза и черные косы. Я ведь через Узбекистан тоже проехал. А сколько обычаев здесь интересных, а главное: мужчины, казахи, не работают абсолютно, только ездят по гостям пить чай.

Работа. Сегодня первый раз проводил занятия с радистами полка. Из пушек стрелять, кажется, не придется. Немного обидно!! Командир дивизии сказал мне, что артиллеристов у него достаточно, а вот радиоинженер только один. Пришлось согласиться.

Люди в полку прекрасные, большинство с производства, и все русские. Среди офицеров есть один еврей, хороший парень, но уж очень угнетен, хотя и уверен, что вырвется отсюда. Попал он в армию,

как говорит, совершенно случайно, ибо у него кругом свои люди, кругом блат. А теперь у него два выхода: или немцы убьют, или свои за какую-то оплошность. Он прямо говорит, что рожден не для войны. А в остальном душевный человек, я ему очень понравился, и он мне все это рассказывает, уж очень тоскует по дому.

Должность у меня занятая — сам себе хозяин. Главное — за людей ответственности нет, ибо их у меня нет, и техники, правда, тоже пока нет. Начальники у меня сволочные попались, я уже и поругаться успел. Они не хотят понять, что пушки и радио вещи несравнимые, а сами-то понимают только в пушках. Но это все дело дальнейшего будущего, а пока выпал первый дождь, что очень приятно, ибо погода невыносимо жаркая. Дыхание осени дошло и сюда: пожелтели березки и клены, тротуары покрыты упавшими листьями, и ночами дуют сильные ветры.

В город нас теперь не пускают, и лежу я целыми днями у себя на нарах, на третьем этаже, и читаю техническую литературу. Кругом висят сапоги, портянки, полотенца; внизу тренькают на балалайке и гармошке. Вечерами сидим у входа и курим, ночи здесь черные-черные, и звезды такие, какими они могут быть только на юге: все небо в бриллиантах. В 9 часов заваливаемся спать до 7 утра; днем я не сплю, а друг мой еще и днем спит. Иногда ходим в ДК, смотрим кино, но я с большим удовольствием лежу вечерами на нарах и слушаю гармонь.

18.10.41

Тася, я пишу обычно много, но так однообразна моя жизнь здесь, что писать уже нечего. О городе — все, о дороге — все, о людях: о них можно только говорить — это психологические, философские темы.

Сейчас лежу у себя на нарах и дрожу: по полку объявлена химическая подготовка, а я даже противогаз не получил, по пословице: «Пока гром не грянет, русский не перекрестится».

У нас ведь и шинелей нет — здесь стоит ужасная жара. Но самое противное — это пыль и то, что травы нет — вся выгорела. Утром у вас сейчас туман, и здесь такая же картина, но только от пыли, которая поднимается ночными ветрами. А спим как? Кроме пальтишка из дома у меня ничего нет; оно подо мной, а под головой сумка с инструментом и пилотка. Хорошо, что жарко — покрываться не надо; на нарах окурки, бумажки и все та же пыль, но меня это особенно не тяготит.

Да, Таська, я не писал о здешних яблоках, ведь мы выросли среди яблоневых садов, ели, кажется, всякие, но, поверь, здешние яблоки ни с чем не сравнимы. На базаре продают и виноград, и груши настоящие, дюшес, но их я покупал только так, для разнообразия, ибо яблоки много лучше. Представь себе огромный базар и — в основном яблоки; они все или красные, или белые и огромной величины (обычно 200–300 граммов). Если будет возможность, то приедем сюда специально есть яблоки.

И еще о питании: сначала кормили из общего котла, сколько хочешь, как в хорошем санатории (солдатам это не полагается), а теперь с котла сняли и предложили питаться самим. Приходится ходить по ресторанам.

Здесь только в середине октября стали пропадать продукты, ибо карточек до 15 октября не было. Я приехал из Горького сюда, как в другую страну: карточек нет, и продукты, какие хочешь и сколько хочешь. В ресторанах кормят прекрасно, только с деньгами, вероятно, будут нелады, ибо в городе полно пива (при такой жаре!), да и на душе стало тоскливо.

Вечерами почти все ребятишки молоденькие уходят в парк, где полно женщин легкого поведения. А я ухожу в ресторан и пью пиво, но что-то от него не хмелею, а водку пить одному как-то неудобно, возможно, не привык. Лели, жалко, нет, передайте ему — вот где бы я его угостил, а каких здесь вин только нет! Письма пишу не по событиям, даже неловко писать-то. Ну ладно, пишу для себя и для тебя, кому не нравится — не показывай. Может, доведется прочесть самому.

4.11.41

С Горьким все связи лопнули, последняя весточка от 6 октября. Расстояние, правда, большое, но и срок — месяц. Скоро два месяца, как я расстался с заводом. Время просто промелькнуло — потому, что я знаю: очень не скоро увижу Горький.

Когда я был в лагерях 2 месяца или на практике 2 месяца, то они были длинными, длинными.

В октябре, Тася, был десятилетний юбилей моей самостоятельной жизни. В октябре, 31 числа, в грязь, в дождь я пошел на биржу труда в кремле, оттуда на Ленинский завод, на Мызу. Через 10 лет, без месяца, я ушел оттуда и уехал с Мызы; как хорошо, что я успел год поработать инженером: не будь этого года, попал бы сюда с дипломом инженера, но со знаниями и опытом обычного студента. А сейчас я смело разбираю радиостанции, которых никогда не видел.

Занятно у меня складывалась работа: на 21-м заводе был электриком среди электриков, но работал обмотчиком — делал то, чего не понимают и не умеют обычные монтеры. На заводе я делал также самостоятельную обособленную работу. Теперь же я артиллерист среди артиллеристов, но делаю то, чего не может ни один артиллерист.

У вас скоро уже зима, а здесь ничего похожего: пыль, пыль, пыль, по утрам она как густой белый туман, но здесь спасают деревья, а вот в городах Северного Казахстана — там совсем могила.

Был у Пирадовых: они бежали из Киева, где оставили хорошую дачу под городом, новый рояль и шикарную квартиру с обстановкой. В. И. постарел, поседел, а А. Л. такая же. Они сначала проехали в Уфу, затем в Свердловск и теперь — сюда. Шлют всем большой привет. А. Л. Леночку и Миколу вспоминала (где теперь Микола, известно ли?). А сколько здесь народу понаехало, каких только рож не встретишь!! Ну, пока все!!

26.11.41

Давно я не писал, ибо был в пути, да все еще еду и, вероятно, долго буду ехать.

Прошло 72 дня, из которых я в дороге 32: кажется, много, редко кому в жизни приходилось так путешествовать, и поэтому мне хочется, когда я попаду домой, более подробно рассказать обо всем.

Дорога моя завернула сначала опять на восток, и я очутился где-то между Доном и Волгой, в такой глуши, что люди никогда здесь не видели красноармейцев, подчеркиваю — никогда! Сейчас здесь тишина. Поля во многих местах стоят с необраным хлебом, по дорогам встречаются возы, запряженные ленивыми, флегматичными волами, так гармонирующими с местностью. Стоим в большой, когда-то немецкой колонии. Величиной она с Воротынец, но пустая, без хозяев. Несколько домов заняты эвакуированными, да еще мы. В первый день было очень приятно жить в огромном пустом селе, и страшно захотелось домой, впервые за 72 дня. Но это настроение быстро промелькнуло, и я снова вошел в колею. Сейчас лежу в чистом беленьком домике, на хорошем крашеном полу, и не хочется расставаться с этой квартирой. Когда мы пришли в дом, он был пуст и даже заботливо выметен уехавшими хозяевами (что значит немцы!). Большой высохший лимон напоминал об уюте, когда-то царившем здесь. Хорошо жили, ничего не скажешь!

Домой я послал телеграмму, хочется узнать, что дома, а то мы опять уезжаем. Где-то по дорогам,

я думаю, путешествуют письма ко мне. Вероятно, они были во встречных поездах и меня уже не догонят.

Тася, пиши только открытки, чтобы не переводить зря время. Я пишу для удовольствия, но жалко, если это потеряется.

Писал я много, но ведь это все еще не война. Не доехал! Но близко! Мы уже видели разбитые железнодорожные станции. Я, Таська, из книжки вырезки посылаю: занятно, как все повторяется у меня. Привет всем, обязательно, я не перечисляю, кому конкретно — вдруг кого забуду.

10.12.41

Начались наши скитания по маленьким и большим русским селам и деревням. Рязанская область. Под образами мерцает лампадка, на столе передо мной стоит рация. Два лейтенанта, мои друзья, и маленький шестилетний пацаненок слушают радио.

Домик чистенький, что очень удивительно для здешних мест. Живем втроем — доктор, лейтенант и я. Отношение к нам везде замечательное. Делают для нас все. В эту деревню, например, мы пришли в 5 часов утра, ибо обычно ходим ночью (так положено на войне), постучали в первый попавшийся дом и уже через 30 минут лежали на матрасе под теплыми шубами.

Несколько дней назад жили в другой деревне, где спали рядом с курами на соломе, там и хозяйева всегда спят так. Такой грязи в наших селам я никогда раньше не видел: даже бань нет — зимой практиче-

ски не моются, а водички погреют в печке и сполоснутся немного.

Между прочим, некоторые мои друзья уже получили боевое крещение, мы же пока пехотинцы, ибо еще не имеем пушек. А судьбу испытаем позже.

Одели нас — лучше некуда: шубняки, валенки, свитеры — в общем, здорово, такая одежда даже от осколков спасет.

Хотелось мне в леса попасть, в привычную природу, да не доехали немного. А здесь абсолютно голая местность и дуют ветры, что очень неприятно. У нас же в лесах тихо, только снег похрустывает под ногами, а здесь и снега-то нет. Сейчас земля почти голая, лишь чуть-чуть припорошило.

15.12.41

Ровно три месяца, как я покинул Горький, быстро же они промелькнули. Вот уже семь дней стоим на одном месте. Фронт уходит от нас, да, да, фронт от нас, а не мы от него. До фронта вместо 20 снова 100 километров. Не забудьте — мы под Рязанью. Когда-нибудь вспомните это. Немцы сейчас в Сталиногорске: мы же пока в тылу, нас все еще берегут; вероятно, для окончательного победного наступления на запад. Сейчас вперед пошли конные корпуса генерала Белова.

Я так привык жить в движении, что семь дней на месте уже многовато, а живем мы прекрасно; даже есть диван, на котором я лежу, вспоминая своих. Думаю поехать в дивизионы, разбросанные по окрестным деревням — починить кое-где станции.

Положение по службе очень неважное: я уже имею трое суток ареста, но пока не унываю и верю в свою правоту. Посмотрим, что будет дальше.

Да, у меня есть карта, на которой я нанес первые 8000 километров своего «браушвейга». Занятно будет, если турне закончится там, где началось. Постараемся!

21.12.41

Таська, мы снова грузимся на поезд и снова куда-то едем. По всей вероятности, все-таки уже на войну. Сзади остались Сталинградская, Воронежская, Тамбовская области, а теперь прощай и Рязанская с ее грязью, убожеством и красивыми, надо сказать прямо, женщинами (бабами!). Как все вертится перед глазами: дороги, вокзалы, села, люди — скоро уже сто дней, но мне еще не надоело. Вот здесь, в маленьком городке Раненбурге (какое странное название для Рязанской области), прожив шесть дней, я затосковал и поехал по селам, где расположены батареи. Ездил пять дней, ночевал все время в разных местах, насмотрелся всего — не поверите.

В первый день пришел в штаб дивизиона, открываю дверь — стоит корова, и с нее веником сметают снег. Коровы, поросята, куры в избах — обычная вещь; бывает еще, что для тепла на полу солому стелют, а меняют редко — в хороших конюшнях чище. Я видел села Урала, Азии, наши русские, но здесь — что-то особенное. Говорят, Рязанская область всегда была такой, и вот эти-то села сейчас забиты эвакуированными москвичами.

Интересно бродить по дорогам, по избам; каждую ночь ночевать в разных местах, где на скамье, где на соломе, а иногда ложимся прямо на грязный заплыванный пол; надеваешь варежки, спускаешь у малаях уши и засыпаешь. Вечерами слушаешь баян, гармошку; как-то слушал гитару и соответствующие песни на квартире у сельских учительниц: вот у кого тоскливая жизнь.

Конечно, и без вшей теперь не обходится, но ничего — скоро лето, и с этим будет полегче. Через трое суток начнет увеличиваться день, а через пару месяцев будет таять, но к сентябрю я домой не попаду. Не уложимся!

Сейчас ночь. Я дежурный по штабу полка, только что все утихомирились и ушли. В домике телефон и пара посыльных солдат, под окнами ходят часовые. Что делать, как не писать? Вот еще вспомнил: нас теперь поят спиртом, который по виду похож на керосин, водой разбавишь — делается белым, как молоко. Что это такое, Таська, ты разберись как химик и напиши, ежели очень вредно, то пить не буду. Из Горького никаких вестей. Скажи друзьям — пусть иногда тоже открыточки в ящик бросают по моему адресу.

Бывает ли Надя, катаются ли на лыжах? Мне очень хочется покататься, но здесь почему-то мало снега.

Звонит телефон — это приятель из соседней деревушки заскучал, приглашает меня после войны в Тбилиси, в гости. Откуда только нет приятелей, куда только не приглашают после войны: и в Казахстан снова, и на Кубань, и в Крым, а один даже на Енисей зовет, и каждый свое расхваливает.

27.12.41

Таська! Знаешь ли ты, где я? В Москве!! Да-да, в центре Москвы! Вот это да!

Мы были в одной из армий Западного фронта, нас вывели, привезли в столицу, и мы находимся в резерве у т. Сталина. Вот здорово! Но ведь это все как бы путешествие, а люди воюют уже седьмой месяц. Когда мы выехали на большую магистраль, то гадали: юг или север? Мне хотелось на юг. Но с каким чувством я подъезжал к Москве, этого не передашь, ибо считаю ее вторым родным городом.

Было солнечное утро, дымили трубы заводов, на запад девятками уходили тяжелые груженые бомбардировщики. Мы даже не мечтали попасть в город, а как хотелось. И представь себе: на 25-м году революции я проехал по центральным улицам столицы на старинных резных санках, приобретенных для командира полка в какой-то рязанской деревне. Мы, вдвоем с адъютантом комполка, с автоматами, с гранатами, ехали по улицам Москвы, заходили в магазины, переезжали площади поперек, нарушая все правила движения. Мы ж приехали из деревни, из глухой рязанской деревни — что с нас требовать? Было очень приятно.

Все начальство, конечно, верхами уехало, а мне по штату даже конь не положен; езжу всегда на чужих.

Вот я в городе, который, как пишут, имеет строгий подобранный вид. Да, это правда, нет на улицах празднующихся зевак, меньше машин, с 8 вечера жизнь на улицах затихает, а в 10 часов улицы

и совсем пустеют. Многомиллионный город замирает до утра — это так странно. А в общем, город все тот же, что и 9 месяцев назад, я здесь обошел много, и поверь — никаких особых разрушений, только окна, но ведь это пустяки.

В Москве мне оставаться совсем не хочется — это все-таки неприятно, как говорится, только небо коптить. Если бы на сутки предложили поехать в Горький — не поехал бы ни за что. Посмотрел Москву, и кажется, что лишь вчера уехал из дома и совсем нигде не был. А потому — все ясно!

Единственное, что хочется, — обо всех все узнать; так напиши, Таська, сюда, может, здесь меня письмо догонит. Странно и интересно: когда я был далеко, то казалось, что и времени много прошло, а с сокращением расстояния, кажется, и время сократилось, и я ясно представляю, что в Горьком все так же, как и три с половиной месяца назад — 15 сентября.

Раньше я писал, что увидимся не скоро, а теперь боюсь так писать, ведь я уже почти дома, и не удивлюсь, если туда попаду. Но этого я не хочу!

Письма не рви, когда-нибудь, возможно, их прочту.

2.01.42

Прожив неделю на Калужской улице в Институте стали, мы переехали в школу, в поселок ЗИС.

Новый год встретили довольно оригинально, в классе, за общим большим столом. На столе стояло полведра мутного зеленоватого спирта, а закуска — колбаса с хлебом.

Живем пока в школе, на стенах висят картины,

списки учеников. Койка моя стоит у доски, на которой нанесена сетка для правописания. Сейчас во всех классах спят солдаты, да и все коридоры забиты ими.

В город выезжаю часто, но мало что интересного вижу. Бываю в театрах, в лучших ресторанах. В ресторанах и зеркала, и мягкая мебель, встречаются красивые, нарядные женщины, а мужчины в валенках и ватных брюках. Редко кого увидишь в гражданском костюме, тем более молодого, и как-то странно на таких глядеть — уж очень не отвечает времени! Возможно, потому что я ушел из вашей среды, из вашего мира.

Я уже не знаю, что делается в гражданской жизни, а прошло всего только четыре месяца. Писать больше не о чем; это значит, что пора в путь, за новыми впечатлениями. Да и воевать уже пора! Это будет скоро, уже скоро. Вот тогда я снова начну писать. А сейчас я жду каждый день писем, которые гоняются за мной по дорогам.

18.01.42

И снова в путь и, вероятно, уже на войну. Паровоз тащит наши вагоны на Ярославль — на север, в леса, и это приятно, ведь мы уже насмотрелись досыта на голые холодные степи.

27.01.42

Бологое!

Эшелоны стоят двое суток. Моюсь в последний раз в настоящей бане и снова гадаем: Ленинград или Торопец. Как долго мы едем. Даже из Алма-Аты в Сталинградскую область нас привезли быстрее.

5.02.42

Тася, представь себе раннее утро, яркое голубое небо, где-то за далекими соснами поднялось солнце. Дорога идет сосновым лесом, все в инее, и только на верхушках елей и сосен золотятся шишки под первыми лучами солнца. Мы вдвоем с приятелем едем верхом далеко впереди всего полка, километра за два. Впереди показалось огромное белое пространство — это озеро Селигер, которым ездили любоваться люди в летнее время.

Здесь берет начало наша Волга. Дорога идет по берегу, где стоит разбитая купальня, я подъезжаю к арке с надписью: «Дом отдыха «Селигер». Тишина — все побито, разрушено, медленно въезжаю на дорожку пустого парка. Дома стоят с пустыми темными впадинами вместо окон, и так везде!

Едем дальше — вдруг неожиданно под мордой лошади появляется маленький пацаненок. «Где немцы?» — спрашиваю я. Он весело отвечает, что месяц как убежали. Разбиты все мосты, по дороге стоят разбитые танки, автомашины, а по обочинам из-под снега торчат руки, ноги оставшихся здесь навсегда фрицев и гансов.

Мы прошли пешком по занесенным снегом дорогам больше двухсот километров. Вы знаете, что такое 122-миллиметровые гаубицы, вы слышали, что такое форсированный ночной марш, но вы совершенно не знаете дорог Калининской и Ленинградской областей. Может, когда-нибудь и расскажу. Идем только ночью, мороз доходит до 40 градусов, пушки тонут

(если можно так выразиться) в снегу. Иногда «пробки» останавливают колонну на 1–2 часа, и, чтобы не застыть, приходится бегать взад-вперед; это вместо того, чтобы отдохнуть после уже пройденных 20–30 километров.

13.02.42

Война, в полном смысле этого слова, перед моими глазами...

Я в первые же дни явился свидетелем гибели двух пехотных полков с их командирами. Я сразу увидел войну.

Война — это страшная штука, и запомни, она особенно страшна для пехоты. У нас в арtpолку убиты единицы. Я живу на НП полка и видел штурм, а теперь созерцаю поле, покрытое серыми шинелями. Долго они еще будут лежать!

Да, наша Третья ударная армия формировалась где-то под Горьким. Нет ли здесь Орловой? Мне кажется, и автобат Легостина где-то рядом. Я жду момента, когда мы встретимся, и чем позднее, тем интереснее.

Недавно во сне я побывал дома, очень приятно было увидеть вас.

А мне, между прочим, никто не пишет. Только на заводе меня не забыли. Таська, тварь, и та не пишет.

Тася, напиши обо всем, а мне писать о войне сейчас просто не хочется. Все кругом дрожит и трясется. Отсюда попасть в ад — это все равно, что

от вас попасть в рай. В аду, наверное, тише, чем здесь.

«Война — это высшая школа жизни, здесь выявляется человек полностью».

Скоро будет весна! Скорей бы!

25.02.42

Представьте себе картину: белая чистая рубашка, и на ней несколько десятков вшей. Это так противно, что можно содрогнуться. Этого — не было! Было чистое, голубое небо, оно контрастно выделялось над лесом, блестящим от покрова инея. И вот на небе вертится 30—40 бомбардировщиков — эта картина тоже неприятна, но первого нет, а второе — почти каждый день. Со стороны интересно глядеть, как они колесом, штук по 10 идут друг за другом в пику. А пикируют некоторые точно под 90 градусов.

Вчера еду верхом вдаль от леса, вижу — идут три самолета низко-низко, остановился, жду: первый дает очередь из пулемета, за ним оба других делают то же. Попасть в меня почти невозможно, но так они действуют на психику.

Вообще я не воюю, запомните это, и посему не рассказывайте, что я на передовой, рискую жизнью и т.д. и т.п. Меня на данном отрезке времени может убить только шальная пуля или какой-нибудь чужак бомбу на меня сбросит.

Запомните, рискует жизнью пехота, те наши знакомые, что летом ушли добровольцами в пехотные части.

Да, небольшая справка: у Лели Цыбина на стене есть карта, там моей рукой карандашом отмечен един-

ственный город, вот этот город мы и окружили. Я каждое утро смотрю в бинокль на его пустынные улицы, по которым иногда пробегают немцы, натуральные, живые — раньше только замороженные встречались.

1.03.42

Официальное начало весны. Зима кончилась. Через 10 дней будет ровно полгода, как я от вас уехал, время прошло незаметно.

Весь февраль стояла яркая солнечная погода, но вы этого не заметили; я раньше тоже не замечал, работая на заводе. А как это красиво среди огромных лесов, утром, днем, вечером.

Скоро начнет сходить снег, обнажая весь ужас двухмесячных боев, ужас, который сейчас покрыт белым покрывалом. А пока вокруг все чисто и красиво. Только на душе тяжело из-за того, что радиосвязь работает из рук вон плохо. Станциям по 6–7 лет, какой-то хлам, рухлядь. А я обязан сделать так, чтобы они работали и в мороз, и в дождь. Я здесь довольно-таки часто не умываюсь, подолгу не бреюсь, но вроде не старею. А вообще здесь быстро стареют. Да, артиллеристам еще хорошо тем, что часто приходится есть конину.

12.03.42

Я пишу очень часто, но не знаю, получаете ли вы мои письма. Тася, я разрешаю читать их всем, и скажи Леле, что ему писать я отдельно не буду, чтобы не повторяться. Ведь это условности — на чей адрес они пишутся.

Второй день идет снег, пурга. Самолеты почти не летают, и как-то легко; нет того напряжения. Конечно, смешно думать, что в тебя попадет бомба с самолета, но состояние целый день напряженное. На днях было так: мы ехали на санях по большой поляне, когда из-за леса вынырнули два белых бомбардировщика. Представьте себе: яхта, сильный ветер, беляки и предельный крен, на реке очень холодно, и все прижимаются к борту. Так вот — один бомбардировщик развернулся сзади саней, чуть-чуть не задев снег крылом, даже стало видно верхние плоскости крыльев. Мы, как на яхте, прижались к санкам, было страшно и притягательно смотреть; длинная очередь из пулемета, и они скрылись за елками.

Успел я прочувствовать и что такое бомбы: недавно две разорвались у самой хаты, одна в двух метрах — так не только рамы, но и ставни вылетели со своих мест. Я в это время стоял у окна, заколоченного палаткой и соломой; меня всем этим хламом и накрыло, а у другого окна сидел старший сержант, так ему стекла брызнули прямо в лицо и всего искромсали, пришлось везти в медсанбат.

Но вообще все эти бомбардировки больше психологически действуют на людей. Нужна большая выдержка и самообладание, чтобы сдержаться; люди в это время начинают метаться и заражают паникой других. Культурные люди обладают все-таки большей выдержкой.

Вчера на нашем наблюдательном пункте был командир дивизии; он залез на чердак маленького домика и долго глядел в стереотрубу на этот по-

луразрушенный Холм. Его несколько раз просили сойти в укрытие, так как кругом пикировали самолеты и бросали бомбы. Когда комдив уже спустился с чердака и стоял у стола, один из самолетов дал очередь зажигательными пулями; одна попала ему в ключицу и застряла где-то под лопаткой. В очень тяжелом состоянии его сегодня отправили на самолете в Москву.

Пока нас беспокоят только обстрелы с самолетов, ибо артиллерии у немцев в Холме нет.

23.03.42

Некоторые решили, что мне очень тошно, раз уж я упрашиваю, чтобы они писали. Так, во-первых, мне не тошно, а делом своим я и здесь доволен. Это, вероятно, «дурной» характер, как когда-то говорил Легостин. Да, мне почему-то своя работа всегда нравилась, и когда я лазил по столбам, и когда дежурил на подстанциях, и когда ремонтировал моторы, и когда работал инженером.

А если я иногда пишу, что хочется увидеть Горький и некоторых людей, так это не потому, что мне стало тошно. Я написал всем-всем, и больше просьб моих не дождетесь!

Еще не было ни одной оттепели, и зима порядком надоела, но это не значит, что я ее не люблю.

29.03.42

Кончается март! Никогда с таким нетерпением люди не ждали весны, которая должна принести в первую очередь тепло.